

В. Г. Белинский

**Михаил Васильевич
Ломоносов. Сочинение
Ксенофонта Полевого**

Виссарион Григорьевич Белинский Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828015*

Аннотация

«...Между Ломоносовым и Петром большое сходство: тот и другой положил начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло бы без них. Дать ход идее, пробудить жизнь в автомате – великое дело, на которое мало здравого смысла, мало ума, мало таланта, на которое нужен гений, а гений есть олицетворение, проявление идеи целого человечества, целого народа в лице одного человека...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Михаил Васильевич
Ломоносов. Сочинение
Ксенофонта Полевого**

*МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ.
Сочинение Ксенофонта Полевого. Москва. В
типографии Августа Семена. 1836. Две части: I –
374; II – 384. (8).*

Гений есть самое торжественное проявление силы человеческого духа. Ниспосылаемый на землю, как решитель препятствий, затрудняющих ход человечества и народов, он есть как бы фокус сознания современного ему человечества или своего народа. Неистошимый в силах и средствах, непобедимый в борьбе, загадка для самого себя, то идол, то жертва людей, мученик своего призвания, – какое высокое и умирительное зрелище представляет он своею жизнью! И люди жадно смотрят на это зрелище, когда поймут и сознают его величие, громко и с восторгом рукоплещут умершему актеру, которого освистывали при его жизни, поклоняются, как идолу, закланной ими жертве. И это очень естественно,

очень понятно: с одной стороны, только в борьбе и битвах с жизнью творится великое, и, в таком случае, люди бессознательно служат пружиною деятельности гения; с другой стороны, только издалека греют и освещают лучи солнца, а вблизи они, может быть, жгли бы и ослепляли; не весной и не летом, а осенью, не в пышном и благоухающем цвете, а в печальной и увядающей зелени, приносит дерево свой плод. И как обвинять людей, что они редко оценивают гения при его жизни? Им мешают хладнокровно и беспристрастно всматриваться в его жизнь и отношения личные, и страсти и страстишки, и самолюбие эпохи, а сверх того, они вообще великанов почитают уродами и ищут предметов обожания себе по плечу. Но как бы то ни было, а истина наконец восстанавливается, хотя и поздно, справедливость воздается, хотя и за гробом: закатившийся гений сияет людям ровным и тихим светом, не ослепляя их глаз и не скрывая от них своих пятен, и люди с благоговением поклоняются тени великого, изучают его жизнь и дела, чтобы добраться по ним, что такое были они сами в то время, когда он представлял их собою, то есть мыслил, чувствовал, страдал и делал за них. Редко являются на землю эти посланники неба, не каждый век и не каждый народ гордится ими. Несмотря на свое родственное сходство, несмотря на тождество идеи, выражаемой их явлением, они стоят не всегда на одной ступени величия, отличаются не всегда равною силою. Но это часто зависит от обстоятельств, среди которых они являются в мир. Александры,

Цезари, Карлы, Лютеры, Наполеоны действуют прямо на все человечество, дают другое направление делам всего мира; Генрихи, Кольберты, Петры действуют на человечество и его будущую судьбу не прямо, а чрез свой народ, подготавливая в нем нового действующего на сцене мира.

Наш Ломоносов принадлежит к числу этих скромных, но тем не менее великих гениев последнего рода. Европа едва знала о его существовании, отечество знало, и то в лице немногих, только имя Ломоносова, но не понимало идеи, значения этого имени. И теперь, когда уже наступило время беспристрастного суждения об этом человеке, многие ли понимают всю огромность его гения, многие ли даже уважают его по сознанию, по убеждению, а не по привычке, не по урокам школы, врезавшимся в памяти, не по нелепым возгласам педантов, прожужжавшим уши всему читающему миру?.. Да и за что, в самом деле, уважать Ломоносова? Что он сделал? – Ровно ничего, если угодно! – Где дела его? – Нигде, если хотите! – Но, спросим мы, в свою очередь, что сделал Петр Великий, где дела его? – И на поверку выйдет опять-таки ничто и нигде!.. В самом деле, разве нынешний Петербург – его Петербург, нынешняя Россия – его Россия?.. Так, не его, не та, совсем другая; но без него она не была бы такою, какою мы ее видим...

Между Ломоносовым и Петром большое сходство: тот и другой положил начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло

бы без них. Дать ход идее, пробудить жизнь в автомате – великое дело, на которое мало здравого смысла, мало ума, мало таланта, на которое нужен гений, а гений есть олицетворение, проявление идеи целого человечества, целого народа в лице одного человека. Гений не есть, как сказал Бюффон, терпение в высочайшей степени, потому что терпение есть добродетель посредственности, бездарности; но он есть сильная воля, которая все побеждает, все преодолевает, которая не может погнуться, не может отступить, хотя и может переломиться, пасть, но, в таком случае, она уже не переживает себя. Да – сила воли есть один из главнейших признаков гения, есть его мерка.

И как изумительно, как чудесно проявилась эта дивная сила в Ломоносове! Чтобы понять это вполне, надо забыть наше время, наши отношения, надо перенестись мыслью в ту эпоху жизни России, когда грамотных людей можно было перечесть по пальцам, когда учение было чем-то тождественным с колдовством, когда книга была редкостью и неоцененным сокровищем. И в это-то время, на берегу Ледовитого океана, на рубеже природы, в царстве смерти, родился у рыбака сын, который с чего-то забрал себе в голову, что ему надо, непременно надо учиться, что без ученья жизнь не в жизнь. Ему этого никто не толковал, как толкуют это нынче, его даже били за охоту к ученью, как нынче бьют за отвращение к науке. Чуден был этот мальчик, не походил он на добрых людей, и добрые люди, глядя на него, пожимали плеча-

ми. Все, и старше его, и моложе, и ровесники, все смотрели на вещи глазами «здорового смысла» и, по привычке видеть их каждый день, не видели в них ничего необыкновенного: солнце им казалось большим фонарем, светившим им полгода, а чудное сияние в полугодовую ночь – отблеском большого зажженного костра дров; необозримое море они почитали за большой рыбный садок; словом, этим благоразумным людям все казалось обыкновенным, кроме денег и хлеба. Но мальчик смотрел на все это другими глазами: в полугодовой ночи он видел что-то чудное, скрывавшее в себе таинственный смысл; океан манил его в свою неисходную даль, как бы обещая ему объяснить все непонятное, все, что сообщало его душе странные порывы, волновало его грудь неизъяснимой и сладкою тоскою, возбуждало в его уме вопросы за вопросами... Да, мальчик был любимое дитя природы, родной сын между миллионами пасынков, а между любимым сыном и любящею матерью всегда существует симпатическое чувство, которым они молча понимают друг друга... Но мальчику мало было *понимать чувством*, он хотел понять разумом; ему мало было любоваться на прекрасную природу, он хотел заставить ее говорить с собою, открыть себе ее заметные тайны, словом, ему хотелось чего-то такого, чего он не умел назвать и чего боялся... И вот он, покорный внутреннему голосу, оставляет любимого отца и ненавистную мачеху, бежит в Москву... Зачем? – *учиться!* Странный мальчик! чего он надеялся, чего добивался! Тогда еще не давали за

знания чинов^[1], тогда наука еще не была дойною коровою, и не золото, не почести, а бедность, горесть и унижение сулили они безумному... Говорят, что есть свои наслаждения в науке, потому только, что она наука, свое блаженство в истине, потому только, что она истина; говорят, что внешняя жизнь не удовлетворяет даже тех людей, которые исключительно для нее созданы, потому что, среди избытка земных благ, эти люди желают еще больших, которых земля уже не в состоянии им дать, и что будто бы эта ненасытимость есть доказательство невозможности удовлетворения себя одним темным; говорят, что, напротив, внутренняя жизнь вполне удовлетворяет человека, внимательного к ее таинственному зову, что духовная пища насыщает, не обременяя, услаждает, не производя отвращения; говорят еще, что будто бы есть свое счастье в несчастьи, свое блаженство в страдании, свое сладострастие в лишениях и жертвах для истинного, благого и прекрасного... Да – это говорят и пишут, но только ныне, и говорят это не одни мудрые века, но и люди обыкновенные, говорят не как истины вероятные, но как аксиомы непреложные; но тогда, но в то время, в самой Европе, эти истины постигались только избранными, только *солью земли*

[1] См. прим. 15 к статье «Ничто о ничем...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания